

Михаил ЧИЖОВ

Родился в 1946 году в Горьком. Окончил политехнический институт. Член Союза писателей России. Автор нескольких сборников прозы и публицистики. Биографическое исследование «Константин Леонтьев» получило «Серебряного Витязя» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» 2016 года и вошло в шорт-лист Бунинской премии. Дважды лауреат премии «Болдинская осень», неоднократный обладатель премии Нижнего Новгорода.

Ранее – инженер-электрохимик в крупном химическом объединении, действительный государственный советник Нижегородской области I класса. Живет в Нижнем Новгороде.

«МЕНЬШЕ ДУМАТЬ О БЛАГЕ И БОЛЬШЕ О СИЛЕ»

К 150-летию создания философско-исторического труда
Константина Леонтьева «Византизм и славянство»

*Для существования славян необходима мощь России. Для силы
России необходим византизм.*

К.Н. Леонтьев

Выдающийся русский мыслитель, писатель, дипломат Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) сочетает в себе все самые яркие черты русского народа: любовь к Отечеству, верность православию, готовность к самопожертвованию, стремление к справедливости, нелюбовь к западным «общечеловеческим ценностям». Одно лишь название его статьи «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» прямо говорит, кто несёт человечеству и мировой истории смерть и разрушение. В своём философском труде «Византизм и славянство» Леонтьев блестяще обосновал спасительную для России идею византизма (православия) и опасность для России со стороны безбожного Запада. Запад ненавидит Россию, византизм, православие и Средние века, поскольку видит в России мощное государство и непокорный народ, чувствуя его духовные преимущества. Поэтому Запад пытается искоренить православие как ортодоксальное христианство, от него в своё время Рим и католики уклонились, предав суть христианского учения. Западная Европа также не любит Средние века, «тёмное средневековье»,

так как была в то время на удивление неграмотной и нечистоплотной (не только иносказательно) по сравнению с Византией и Русью.

За десять лет дипломатической работы в разных уголках Османской империи Константин Леонтьев, в совершенстве владея индуктивным методом мышления, распознал «грехи» западной цивилизации и изложил их по полочкам в «Византизме и славянстве». Прочитав этот труд, Лев Толстой сказал: «Леонтьев стоял головой выше всех русских философов».

1

У каждого мыслителя всегда есть особое произведение, в котором он выговаривается до конца, выплескивает то, что копилось подспудно в душе долгие годы, и которое определяет самого автора как личность, творческую и социальную. Леонтьев с открытым забралом шел к высшей цели, основа которой есть развитие и полнота жизни. «...Не покой – брат застоя, наш дорогой идеал, а битва жизни, движение, цвет её!» – так он определял смысл жизни в статье «Мнение Джона-Стюарта Милля о личности».

В январе 1873 года он завершил дипломатическую службу и по предварительному соглашению с редактором «Московских ведомостей» Михаилом Катковым развивал свою гипотезу о триедином процессе истории. Над «Византизмом и славянством» – основным своим сочинением по философии истории – Леонтьев работал на острове Халки близ Константинополя.

Прежде чем перейти к изложению итогов «Византизма и славянства», надо кратко разобраться с терминами, входящими в название. Начнём с широко известного и тревожащего общественное сознание тех времён «славянства». Славянство, славянофильство, панславизм, славизм – по-разному называлось это движение русской общественно-политической и философской мысли середины XIX века не только в России, но и в Европе. Русские славянофилы обосновывали и страстно желали начертать для России самобытный путь развития, принципиально отличный от западного, «загнивающего», нездорового для русской души. Славянолюбцы были не только в России, но и в Австро-Венгерской империи, и в Польше, и у южных славян. Их первой задачей стало обретение независимости с образованием наряду с национальными государствами и объединённой славянской конфедерации.

Началом послужило Кирилло-Мефодиевское общество, созданное в январе 1846 года в Киеве и предусматривавшее союз демократических славянских республик (штатов, видимо, под впечатлением от США) с центром в Киеве. Особая роль в этом Союзе предназначалась украинцам, отличающихся, по мнению организаторов, от других славян особым свободолобием и демократизмом. Царь через год разогнал это общество, зачинщиков посадил в Петропавловскую крепость, а поэта Т. Шевченко как одного из участников забрили в солдаты.

Константину Леонтьеву было 17 лет, когда в Праге летом 1848 года собрался Первый Славянский съезд. Он пытался решить славянский вопрос не только за счёт переустройства Австрийской империи с выходом чехов, словаков, словенцев, русинов, поляков на самостоятельный путь развития, но и образованием славянской федерации. Издатели «Новой Рейнской газеты» К. Маркс и Ф. Энгельс считали этот съезд вызовом для пангерманизма, угрозой для существования единого гер-

манского государства, образованного в этом же году во Франкфурте-на-Майне. В статье «Демократический панславизм» Ф. Энгельс фактически издевался над славянами, говоря, что славяне никогда не имели собственной истории, что находятся на низшей ступени цивилизации и не смогут обрести самостоятельность. Хорошо ещё, что он не скатился в своих «рассуждениях» к объявлению славян «низшей расой».

Второй Славянский съезд прошёл в Санкт-Петербурге и в Москве в 1867 году, следующий опять в Праге – в 1868 году. Леонтьев в эти годы трудился на дипломатической ниве вдали от родины и быть там не мог, но «славянский» или «восточный» вопрос витал в воздухе и не откликнуться на него он не мог, тем более что консульства располагались на территориях нынешних Болгарии, Румынии и Греции.

Леонтьев был не первым, кто использовал понятие «византизм». Ещё Николай Михайлович Карамзин в своей «Истории государства Российского» указывал на значительное влияние Византии на развитие Московской Руси, передачей ей искусства Византии, письменной культуры, народных бытовых и духовных привычек. Русь переняла от Византии прежде всего православие, принцип сосредоточения власти в монарших руках, невмешательства церкви в государственные дела, её подчинение воле императора, как «помазанника Божьего», восточное великолепие в церковном и императорском убранствах. В узком смысле слова «византизм» означал православие и монархизм, а в более широком – весь уклад русской социально-культурной жизни в X–XVII веках. Идейной вершиной этого уклада явилась концепция игумена Филофея «Москва – третий Рим».

Триста лет после Петра I не утихают споры о возможных путях развития России. В XIX веке не только византийское направление, но и само слово «византизм» или «византийство» для западников стало приметой застоя и отсталости от Западной Европы. С легкой руки Александра Герцена, написавшего: «Византизм – это старость, усталость, безропотная покорность агонии...», укоренилось в «просвещенном» обществе России негативное отношение к византизму, а значит, и к православию. В конце XIX века масла в огонь подлил самый модный на ту пору философ Владимир Сергеевич Соловьев в «Очерках из истории русского сознания». Он считал *«татарско-византийскую сущность России»* мнимым русским идеалом.

В таких условиях от Леонтьева требовалась особая смелость, чтобы представить византизм и его роль в положительном свете. И не просто представить, но и рекомендовать обществу России проанализировать это явление и следовать его культурным и религиозным традициям.

«Представляя себе мысленно византизм, **мы** (выделено мной. – М. Ч.)... видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. **Мы** (выделено мной. – М. Ч.) знаем, например, что византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов», – утверждает Леонтьев с первых строк своего трактата. Этим обращением «мы» Леонтьев подчеркивает, что обращается не к **публике**, а к абсолютному большинству образованного народа, верующего в царскую власть и православие, то есть к тем людям, для которых эти понятия – не пустой звук, а смысл и образ жизни.

Кстати, о публике. «Безымянный люд этот (публика. – М. Ч.) одинаков во всех странах. Это личности, которым свойственен индивидуализм,

отрицание... Вместе с тем им присущ элемент, пусть и отрицательный, но объединяющий их и составляющий своего рода религию. Это ненависть к Власти как принцип», – так говорил о публике другой дипломат и консерватор Федор Тютчев. Этот принцип отрицания государственной власти есть родовое пятно либералов всех времен и народов. Такого же мнения придерживался Аполлон Григорьев, утверждавший, что «публика – это нравственное мещанство». Леонтьев в своих определениях более эмоционален: «Публика наша легкомысленна, пуста, впечатлительна и дурно воспитана, а нашим адвокатам и прокурорам нужно сделать карьеру, обнаружить ораторские способности (между прочим, ввиду воображаемой возможности громить ответственных министров, ибо никому так конституция не выгодна, как ораторам)» (статья «Чем и как либерализм наш вреден?»).

Вернемся к трактату. Леонтьев, характеризуя европейскую историю, утверждает, что Запад, по сути, тоже пошел по пути Византии. Царствование византийского императора Константина пришлось на IV век нашей эры, а Карл Великий венчался в IX веке, то есть спустя 500 лет после «отсталой» и «невежественной» Византии. Таким образом, именно византизм обеспечил и долголетие Восточно-Римской империи и оказал заметное культурное и политическое влияние на развитие романо-германской цивилизации. «Создавая себе кесаря, в подражание Византии и вместе с тем назло ей, Европа, сама того не подозревая, вступала на совершенно новый путь», – характеризовал Леонтьев западный романо-германский исторический тип в своём труде.

Не потому ли Запад так настойчиво абстрагируется от византийских начал, понимая, что вторичность несколько оскорбительна для их цивилизации, обособление которой началось именно с Карла Великого. Леонтьев (историк П.Н. Милюков называл его «хранителем старых начал византизма»), по сути, художественно оживлял знаменитую триаду Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». Это прекрасно понимали либеральные противники Леонтьева. Желая его уколоть, Владимир Соловьев, разошедшийся с Леонтьевым во взглядах к началу 90-х годов XIX века, писал: «Мы не найдем здесь (в Византии. – М. Ч.) ничего такого, на чем можно было бы заметить хотя бы слабые следы высшего духа, движущего всемирную историю».

Леонтьев словно предвидел возражения, подобные тем, что высказал Соловьев, пишет в статье «Владимир Соловьев против Данилевского»: «...Как же можно было забыть об этой *духовной* византийской литературе, которая до сих пор, конечно, *живет* и при этом неизмеримо *популярнее* и Гомера, и Шекспира» (здесь и далее выделения сделаны самим Леонтьевым). Тем самым для Леонтьева византизм – не просто восточное ответвление христианства или Второй Рим, а особая культура, иерархия и государственная форма управления. Форма же, по словам Леонтьева, есть «деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбежаться».

Ну как безбожный либерал-западник может простить Леонтьеву утверждение, что православные песнопения популярнее Шекспира? Да никак!

Тем самым Леонтьев возражает и Соловьеву, и Данилевскому, замечая заочно последнему, что пропущен одиннадцатый, византийский культурно-исторический тип. Возможно, что факт упущения Данилевским Византии из перечня своих культурно-исторических типов и послужил для Леонтьева толчком для исправления этого недостатка и написания своего замечательного труда «Византизм и славянство».

Леонтьев за преимуществами Византии отмечает, прежде всего, «догматически-философскую, богослужебно или молитвенно-лирическую, нравственно-аскетическую и церковно-историческую» литературу (Псалмы, Жития святых и др.). И далее дополняет: «...Византия дала миру неподражаемые и недосягаемые образцы всех родов церковного искусства: в зодчестве – Св. Софию, в иконописи – Панселина, в пении – все бесчисленные божественные напевы, коими оглашаются и – как можно верить – до конца мира будут оглашаться во всей вселенной православные храмы».

Высокая оценка культурных особенностей Византии основана прежде всего на собственном опыте Леонтьева, видевшего храм Святой Софии в Константинополе и слышавшего церковное пение в афонских и русских церквях, на глубоком знании истории Средних веков. На спасительный характер византийской государственности для Московской Руси Леонтьев особо обращает внимание, утверждая, что она для России явилась формообразующим началом для становления русского культурно-государственного образования, или культурно-исторического типа согласно терминологии Данилевского. Леонтьев говорит так: «В византизме царила одна отвлеченная юридическая идея: на Руси эта идея обрела себе плоть и кровь в царских родах, священных для народа».

Все византийские основы жизни (цезаризм, православие, «талант повиновения» народа, сословность) помогли России подняться до уровня «цветущей сложности», обеспечили могущество и величие. О всех составных частях византизма и о механизме укоренения их на Руси Леонтьев говорит в своем труде много и подробно. Для него, повторим, это начало начал всей русской государственности и залог процветания.

Уже первые ростки демократии в России с очевидностью показали Леонтьеву, что с ее приходом при вожделенном для либералов равенстве и братстве, стремительно начинается портиться, усредняться в своей эстетической худобе человеческий характер. Для эстета Леонтьева устойчивое психическое состояние, внутреннее богатство и красота личности – основы процветания нации, а значит, и России. Без ярких, неординарных личностей, кто же будет «двигать» историю? Так или примерно так рассуждает Леонтьев, имея в виду следующее: «Человек ненасытен, если ему дать свободу». К такому же выводу приходит «первый русский диссидент» А.И. Герцен: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*». Следует отметить, что слово «диссидент» впервые в России ввёл в оборот именно Константин Леонтьев в «Византизме и славянстве».

Пример такой ненасытности при неограниченной дозволенности прекрасно показал А.С. Пушкин в философской, по сути, «Сказке о рыбаке и рыбке». Видимо, эта проблема тоже мучила и томила его. Остановить ненасытность может только принуждение. Оно пронизывает все поры органического мира – таково мнение Леонтьева, и с ним трудно не согласиться. Он рассуждает просто и эффективно: вот стакан с водой. Пока вода в стакане, она есть вода. Да, она испаряется, но медленно и в зависимости от температуры. Выше температура (революция поднимает градус) – быстрее испаряется нужное вещество. Стоит только разбить стакан (форму), вода разольется по полу и быстро-быстро испарится, исчезнет. Нет более полезного и нужного вещества! И потому по Леонтьеву: «Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет». Так говорит Леонтьев.

И это, в принципе, очень даже очевидная истина. Разве общество устроено по другому принципу, нежели органический мир? О чём говорит корпоративная этика? Беспрекословное подчинение начальнику, который является в корпорации диктатором. О корпоративном деспотизме молчат либералы, осуждающие любое нарушение прав человека со стороны государства. Они против власти самодержавного или любого другого государства, построенного на принципах дисциплины, но не против власти «самодержца» в корпорации, в которой работают и гнут спину ради куска хлеба. Когда же государственные чиновники не понимают этого и, получая деньги от государства на свое содержание, восстают против своего кормильца, вот тогда наступает беда для государства.

Главенство либеральных взглядов – беда для государственной власти. Они вредны и для «простых» людей. «Вольнолюбивые» фразы, «о беспредельных правах лица... дойдя до нижних слоев западного общества, – по мнению Леонтьева, – сделало из всякого простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства». Беспредельных прав быть не должно – это не только мнение тонкого эстета, но и государственника, думающего о развитии России. Леонтьев отлично понимает, что сапожник, уравненный в правах с министром, станет демагогически рассуждать о своем достоинстве и перестанет работать. За ним перестанут работать печники, сталевары, плотники, столяры и т. д. Кто же будет создавать материальные ценности: «нашу серебряную утварь, наши иконы, наши мозаики»?

Вспомним повесть А.П. Чехова «Степь» и разговор на постоялом дворе. Хозяин его еврей Моисей Моисеевич так говорит о своем брате Соломоне, пропитанном либеральными идеями: «И что мне с ним делать, не знаю! Никого он не любит, никого не почитает, никого не боится... Знаете, над всеми смеется, говорит глупости, всякому в глаза тычет». И таких людей в России становилось всё больше и больше, пока не вспыхнула, словно факел, революция. Но этот факел выдвинул лишь тех, кто никого не любил, никого не боялся, никого не почитал. Немало сгорело в этом факеле и самих поджигателей либо обгорело, попав в эмиграцию.

Говоря о значении византизма для России, Леонтьев восклицает: «византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя всё благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости!»

И, действительно, выдержали! И выдерживаем в XXI веке.

2

Александр Блок взял в качестве эпиграфа к своей поэме «Скифы» слова Владимира Сергеевича Соловьева, поэта, философа, старого, так сказать, знакомого Константина Леонтьева. Звучат они так: «Панмонголизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно». Хотя имя «панславизм» менее дико, но суть... Ласкает ли она слух Леонтьева, можно узнать из «Византизма и славянства».

В этом труде Леонтьев в продолжение статей «Панславизм и греки» и «Панславизм на Афоне» пытается дать определение славизму. И при-

ходит к выводу, что невозможно найти «какие-нибудь ясные, резкие черты, какие-нибудь определенные и яркие исторические свойства, которые были бы общи всем славянам. Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя не совсем чистой) и сходных языков. Идея славизма не представляет отвлечения исторического, то есть такого, под которым бы разумелись, как в квинтэссенции, все отличительные признаки, религиозные, юридические, бытовые, художественные, составляющие в совокупности своей полную и живую историческую картину известной культуры».

И в самом деле, подробно характеризуя славян – чехов, поляков, болгар, сербов, великороссов и малороссов, Леонтьеву не удалось усмотреть в их истории «органическую систему своеобразных идей, стоящих вне частных, местных и личных интересов», но глубоко тысячами нитей, связанных с этими интересами. Леонтьев приходит к выводу, что «славизма как культурного здания или нет уже, или ещё нет; или славизм погиб навсегда, растаял... под совокупными действиями католичества, византизма, германизма, ислама... или, напротив того, славизм не сказал ещё своего слова и таится, как огонь под пеплом...».

Относительно греков, подстрекаемых англичанами, Леонтьев восклицал: «Греки не хотят или не умеют понять, что между панславизмом и русским славянофильством большая разница».

В составленном от третьего лица «Списке сочинений К. Леонтьева с характеристикой» он объясняет суть своих взглядов на Восточный (славистский) вопрос следующим образом: «Овладение Царьградом и Проливами, **утверждение Восточных Церквей** (выделено мной. – М. Ч.) и при этом как неизбежное время составление какого-нибудь сносного союза с освобожденными единоверцами – вот цель, которую должна преследовать Россия».

Эмансипационная же собственно политика, по мнению автора, не должна быть сама по себе целью, а только временным и при этом довольно опасным средством. То есть Россия как предводитель славянства должна создать не союз из славян, а некую особость (Восточные Церкви), противостоящую тлетворному влиянию Запада.

Такую точку зрения на панславизм могли понять и одобрить только высокие умы. Например, Достоевский, 26 февраля 1873 года написавший М.П. Погодину после прочтения «Панславизм и греки»: «Эта статья меня даже поразила... Меня поразило особенно последний вывод о том, что собственно должен означать для России Восточный вопрос отныне? (Борьба со всей идеей Запада, то есть с социализмом)». Погодин ответил: «Предстоит борьба России с Западом из-за чего бы то ни было, а вероятно из-за Востока». Леонтьев, что называется, раскрыл глаза русскому обществу на существо проблемы панславизма и Восточного вопроса. И уже после этого разъяснения Достоевский в своих дневниках записал в ноябре 1877 года: «...по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!» И ещё раз обращаю внимание, что это прозрение наступило у Достоевского спустя четыре года после прочтения Леонтьева, который называл болгар «волками в овечьей шкуре».

Особенно негативные качества болгар (да по большому счёту и всех югославян, к которым надо отнести и украинцев) проявились во время

двух Балканских войн (1912–1913 гг.), когда в Первую войну коалиция болгар, сербов, черногорцев и греков против владычества Османской империи почти полностью освободила от турок европейскую часть современной Турции. Славянскими стали города, где работал некогда Леонтьев: Адрианополь (Эдирне), Янина, Салоники, а Болгария получила вожделенный выход к Эгейскому морю. Однако жадность (ненасытность – по Леонтьеву) болгар сгубила. Им этих территорий, закреплённых Лондонским договором, показалось мало. В 1913 году Болгария напала на бывших своих союзников (греков, сербов), но за полтора месяца была повержена. Результат плачевный: потеряно всё, что было кровью завоёвано: Восточная Фракия с Адрианополем отошла к Турции, а выход к Эгейскому морю – Греции.

Вторая Балканская война (29 июня – 10 августа 1913 года) ярко выявила неспособность югославян договариваться между собой. Таким образом, Леонтьев задолго и верно усмотрел, что славизма как идеи (идеологии) нет. Панславизм России не нужен, но есть славянство, хотя и оно недостаточно прочно: «У болгар поэтому мы не видим до сих пор ничего славянского, в смысле зиждительном, творческом; мы видим только отрицание, и чем дальше, тем сильнее». А «дальше», надо заметить, Болгария в двух мировых войнах была на стороне Германии, в 2022 году закрыла воздушное пространство для полёта министра иностранных дел России в Сербию. Вывод Леонтьева верен и сбывается уже 150 лет.

Да и что славянство представляет собой без сильной России? Ровным счетом ничего! Отсюда и родились вещие слова, что взяты в эпитафю.

«Для существования славян необходима мощь России».

«Для силы России необходим византизм».

«Тот, кто потрясает авторитет византизма, подкапывается, сам, быть может, и не понимая того, под основы Русского государства».

«Тот, кто воюет против византизма, воюет, сам не зная того, косвенно и противу всего славянства; ибо что такое племенное славянство без отвлеченного славизма?..»

Нет в славизме идеи (идеологии), значит, не может быть ничего положительного, зиждительного в нём. Естественен вывод Леонтьева: «Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России, «Русское море» иссякло бы от слияния в нём «славянских ручьёв». История доказала верность подобного утверждения. Излишняя полонизация органов власти царской России привела к февральской и октябрьской революциям 1917 года. Значительным количеством украинцев в советских властных структурах некоторые историки объясняют развал СССР. И верно ведь советовал Леонтьев: «Не льстить надо славянам, не обращаться к ним с вечной улыбкой любезности: нет! Надо изучить их...» К великому сожалению, мало тех, особенно во власти, кто читает Леонтьева.

Тонко подмеченная Леонтьевым связь могущества славянского государства и византизма (ортодоксального православия) также нашла подтверждение в истории. Ненасытность бросила болгар во Вторую балканскую войну, и они потеряли приобретённое. Но почему бы не связать это с результатом еретических действий (схизмы) болгар, отошедших в 1870 году от Константинопольского патриархата с образованием Болгарского экзархата? Можно связать закрытие Сталиным «Союза воинствующих безбожников» с началом Великой Отечественной войны с победой в ней. Вспоминается и архиерейский собор в 1943

году и признание РПЦ, по его настоянию, как единственного религиозного объединения, с которым сотрудничает государство. Или совсем свежий пример с Украиной, отошедшей в XXI веке от РПЦ как воплощенного византизма. Результат сейчас известен. Кто-то может посчитать это мистикой, но факты упрямая вещь. И потому Леонтьев восклицал, словно объясняя, что может случиться в будущем: «...наружное политическое согласие с Европой необходимо до поры до времени; но согласие внутреннее, наивное, согласие идей – это наша смерть!!» Западные и южные славяне, в том числе украинцы быстро соглашались с **Западом внутренне!**

И в дальнейшем Леонтьев последовательно развивал тему, что Запад культурно исчерпал себя, а кто ему будет подражать, тот сам погибнет. И чем выше будет степень подражания западной либеральной доктрине, тем быстрее наступит конец подражателю как независимому государству, даже если период падения будут наблюдать десятки поколений. И констатация этого произошла 150 лет назад, но... нет пророка в своём отечестве.

3

Либералы с гордостью считают себя носителями прогресса, а консерваторов – хулителями его. При этом либералы не делают различия между понятиями «прогресс» и «развитие». Леонтьев в третьей, теоретической части своего труда «Византизм и славянство», отмечая наветы либеральных радикалов, мудро разделяет эти понятия.

В развитии, как в каждом процессе, есть некая внутренняя идея (смысл, суть), предполагающая в самой себе результат. Возьмем, к примеру, реакцию фотосинтеза, или, как ее называют красочно, «реакцию жизни». При ней в листьях (клетках) растения с помощью хлорофилла (красящего вещества) под действием солнечного света усваивается углекислый газ из воздуха с формированием органической массы (пищи и для человека), обеспечивающей растению рост и созревания плодов и зёрен, с получением кислорода. Без него, как мы все знаем, не может жить никакое животное, ни человек как часть животного мира. То есть эта реакция, несущая в себе свой результат, имеет два смысла (идеи) – производство вегетативной массы и кислорода.

Таким образом, в каждом явлении или обстоятельстве, как части процесса, она (идея) должна непременно присутствовать. Поскольку системные идеи тех или иных явлений или обстоятельств самостоятельны, то и цели их различны. Развитие по Леонтьеву, логически и диалектически, есть следующее:

«Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений.

Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности.

Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства.

Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях есть высшая степень сложности, объединенная неким **внутренним деспотическим** (выделено мной. – М. Ч.) единством».

Безупречная логическая и диалектическая цепь рассуждений позволяет понять бытие как процесс, показать переход всякого свойства на следующую ступень или стадию развития, а в дальнейшем и в свою противоположность, то есть реакцию на предыдущее развитие. Тут уместно вспомнить и Карла Маркса, сказавшего о диалектике Георга Гегеля: «Он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, то есть в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития».

Прочитайте ещё раз определение развития у Леонтьева. Это ли не полная интерпретация принципов и основ диалектики, которую понимали ещё древние греки, чувствуя, что бытие включает в себе вечные противоречия и изменчивость, которые способствуют переходу всякого свойства в свою противоположность. История, о которой далее будет рассуждать Леонтьев, так же как бытие, есть процесс полный противоречий: она едина и множественна, вечна и преходяща, циклична и поступательна. Как человек своей судьбой, как процессом, проходит через бытие, так и история следует за ним, поглощая время. Причем следует отметить, что в христианстве время, имеющее начало и конец, всегда отделено от вечности, являющейся прерогативой Бога. И когда красиво говорят, что тайна гения – это метка вечности, то это означает с христианской точки зрения, что своим зарождением гений обязан Богу.

Итак, если развитие через внутреннюю идею («внутреннее деспотическое единство») придает смысл движению, то, по мнению Леонтьева, «прогресс, то есть последующая ступень истории, её завтрашний день, так сказать, не всегда носит характер более эмансипационный, чем ступень предыдущая, чем период истекающий или истекший». Объем свободы, который, по мнению «прогрессистов», должен увеличиваться с каждой ступенью истории, не есть доминанта развития по Леонтьеву. На следующей исторической ступени (в данном случае – буржуазной, капиталистической, следующей за феодальной ступенью), могут и должны быть возвраты к положительному опыту и традициям предков. В силу этого, утверждает Леонтьев, «могут стать прогрессом, в свою очередь, и всякие реакционные меры, и временные, и законодательные – раз только меры, освобождающие личность человеческую, достигнут так называемой точки насыщения». Этим соображением он бьет своих противников их же оружием. Если вы, говорит Леонтьев, обращаясь к «прогрессистам», ставите во главу угла личные права человека (свободу, равенство, благоденствие), то вы должны учитывать и их предел – «насыщение» (оно так же естественно, как смерть), результатом которого должна быть реакция на излишнюю свободу. Иначе – анархия, хаос, когда чересчур свободная личность берет в руки оружие и идет отстреливать всех, косо на него посмотревших.

Как бы предвидя подобное развитие событий, Леонтьев предупреждает в «Византизме и славянстве»: «Социальная наука едва родилась, а люди, пренебрегая опытом веков и примерами ими же теперь столь уважаемой природы, не хотят видеть, что между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития нет ничего логически-родственного, даже более: эгалитарно-либеральный процесс (читай: прогресс. – М. Ч.) есть антитеза процессу развития». Как говорится, fiat lux (да будет свет!), то есть точки расставлены, позиции определены: развитие и прогресс по Леонтьеву – не синонимы по своему внутреннему содержанию. Прогресс, понимаемый как несконча-

емое увеличение прав и свобод, может остановиться из-за излишней свободы, переходящей в анархию.

Довольно тонкое разделение и противопоставление развития и прогресса. Для пояснения этого главного тезиса К.Н. Леонтьева, из которого исходят все дальнейшие рассуждения и выводы, вспомним ещё раз «реакцию жизни» (фотосинтез), обеспечивающую существование всего живого на Земле. Ботаники и специалисты сельского хозяйства знают, что если «перекормить» растение удобрениями (свободой – в случае человеческого общества), то образование вегетативной массы, так называемой ботвы, станет определяющим и бесконтрольным. Вот это и есть прогресс, то есть, как говорят философы, начиная с Анн Роббер Тюрго (1727–1781), поступательное движение человеческого общества по восходящей линии. Возможно, что зеленая масса (силос) необходима скоту на откорм, но образования цветков, их оплодотворения, а следовательно, **развития** зерен и плодов происходить не будет. И каждый поймет, что без зерен не обеспечишь воспроизводство на следующий год новых растений. Прервется в биологическом случае генетическая связь, а в историческом – связь времен и даже больше – наступит конец истории. Чтобы образовались цветки, а потом возникла завязь, побеги растения прищипывают (деспотия), то есть ограничивают рост (прогресс) зеленой массы. Сотворив цветок, обеспечив завязь и созревание плода до полной спелости, растение сбрасывает листья, стебель (пшеницы, например) засыхает, растение погибает.

Из этого примера можно сделать логические выводы, что без деспотии (прищипка) количество никогда не переходит в качество, что многопудовая зеленая масса без дисциплинирующего вмешательства в ход своего развития не способна произвести свой венчиковый цветок – апофеоз развития – гения в политической или художественных сферах.

И потому «Нынешний прогресс не есть процесс развития: он есть процесс вторичного, смесительного упрощения, процесс разложения для тех государств, из которых он вышел или которым крепко усвоился...» – пояснял Леонтьев. И далее: «Ибо под развитием, разумеется, надо понимать не одну учёность, как думают (опять-таки по незнанию) многие, а некий весьма сложный процесс народной жизни...»

Бог (природа), сотворив фотосинтез, даёт людям жизнь и возможность понять взаимосвязи, обеспечивающие ход и смысл развития. Эта реакция есть своеобразная проекция судьбы человечества (это ли не есть история?), которая движется от сотворения Божественного мира к Страшному суду. Отсюда и эсхатологические предчувствия у Леонтьева: «правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, всё ожидающая какой-то весны...», но об этом позже, пока в «Византизме и славянстве» Леонтьев разбирает, чем обычно заканчивается прогресс.

«Явления эгалитарно-либерального прогресса схожи с явлениями горения, гниения, таяния льда (менее воды свободного, ограниченно-кристаллизацией); они сходны с явлениями, например, холерного процесса...», на котором Леонтьев показал, как человек, уравниваясь во время болезни, превращается после смерти в свободные молекулы азота, водорода, кислорода. Мы рассказали о том же процессе, взяв за образец рост растений и его увядание.

Вот так логическое вмещает в себя историческое действие, обеспечивающее развитие объективной направленности (смысла, идеи), а от нее к определенному результату. В нашем примере – зерен, продолжающих

расширенное воспроизводство живого. К.Н. Леонтьев с помощью логики поясняет значения отдельных элементов растительной (в его случае – человеческой болезни) системы в процессе развития (умирания) целого. Логика позволяет перейти к истории, как процессу, в котором присутствуют конкретные условия (факты) в неразрывной связи с сутью тех или иных явлений, переход от одних исторических стадий (периодов) к другим.

Таких периодов в развитии растений ли, культурно-исторических типов, цивилизаций, государств, всей человеческой истории у Леонтьева три: **первичная простота, цветущая сложность, вторичное смесительное упрощение**. Это свое открытие он называл «гипотезой вторичного и предсмертного смешения» или «гипотезой триединого процесса». В «Византизме и славянстве» Леонтьев объясняет это на примерах развития пневмонии, а в историческом плане на примерах развития государств, империй, культур с древнейших времен до XIX века.

По Леонтьеву – «Развитие государств сопровождается постоянно выяснением, обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей общностью с окружающим», а форма, как он раньше отметил – есть «деспотизм внутренней идеи». И потому: «Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменная до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности, от начала до конца. Вырабатывается она не вдруг и не сознательно сначала; не вдруг понятна; она выясняется лишь хорошо в ту среднюю эпоху наибольшей сложности и высшего единства, за которой постоянно следует, рано или поздно, частная порча этой формы и затем разложение и смерть».

Христианские философы – Владимир Соловьев, Сергей Булгаков, Георгий Флоровский, Василий Зеньковский, Николай Бердяев, Сергей Франк осудили «гипотезу триединого процесса» как несоответствующую христианству. В том, что христианство не приемлет органического развития, можно усомниться, вспомнив, что Иисус Христос, объясняя ученикам истоки своего будущего прославления как сына Божьего, сравнивал себя с пшеничным зерном. Уже это говорит о растительной основе развития, признаваемой Христом, объясняющим, что если зерно не умрет, то останется одно, а если умрет – принесет много плодов. Аналогия проста и прозрачна: для получения новых плодов растение должно дать росток, затем созреть и умереть, то есть пройти все те три стадии, о которых говорит Леонтьев.

4

Определив решающее влияние Византии на становление русского православия и государственности, Леонтьев с этих позиций разобрался и с ролью славянства в политике России, определил, почему либеральный прогресс есть антитеза развитию, и раскрыл причины наступления на Западе периода «вторичного смешения».

Много в рассуждениях Константина Леонтьева такого, что тотчас поражает сознание и запоминается на долгие-долгие годы. Например, такой, можно сказать, совет: «Поменьше так называемых прав, поменьше мнимого блага. Вот в чём дело! Тем более что права-то, в сущности, дают очень мало субъективного блага, т. е. того, что в самом деле приятно. Это один мираж!»

Мы оставим мудрые афоризмы за рамками статьи. Всего не перескажешь! И сформулируем некоторые выводы.

Первый вывод, думается, годен на все времена: «Культуры же, соединенные с государством, большей частью переживают их». Говоря о Византии, Леонтьев отмечает: «Как государство Византия провела, однако, всю жизнь лишь в оборонительном положении. Как цивилизация, как религиозная культура она царила долго повсюду и приобретала целые новые миры, Россию и других славян». В другом случае Леонтьев говорит о национальной культуре: «Она, как продукт, принадлежит государству; как пища, как достояние, она принадлежит всему миру». Эта мысль служит продолжением взглядов Гегеля, говорившего, что формы государственной организации не передаваемы по цепи исторического развития, но «совершенно иначе обстоит дело по отношению к науке и искусству».

Приступив к своей любимой теме – культуре и, соответственно, эстетике с обсуждения своеобразия культуры Византии как частного случая, Леонтьев в «Византизме и славянстве» переходит к разговору о культуре мирового значения. И он почти всегда вместо термина «культурно-исторический тип», введенного в научный оборот Данилевским, использует слова «цивилизация» и «культура». «В письмах о восточных делах» Леонтьев дает такое определение культуре: «Под словом *культура* я понимаю вовсе не какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость и т. п., а лишь цивилизацию свою по источнику, мировую по преемственности и влиянию. Под словом “своеобразная мировая культура” я разумею: *целую свою собственную систему отвлеченных идей религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических*».

У Леонтьева, «культура – не какая попало цивилизация», то есть культура важнее и полнее по смыслу, чем цивилизация. Культура – это образ жизни народа (ценности, обряды, вера, менталитет, обычаи, умения) – совокупность всех достижений духовной и производственно-деловой жизни народа на всем пути исторического развития. Цивилизация более узкое понятие – это та заключительная стадия национальной культуры, что вышла на мировой уровень на определенном историческом этапе. В XIX веке термин «цивилизация» часто применялся в качестве характеристики капитализма, приравненного к высшей ступени прогресса, с чем Леонтьев согласиться никак не мог, потому и различал эти понятия. Цивилизация может клониться к упадку, тогда как культура народа может развиваться. Например, цивилизация Византии пала под ударами османов, но культура ее продолжала жить и живёт до сих пор. Религиозная составляющая византийской культуры послужила фундаментом для русского православия и развития государственности. Часть византийской культуры перенял романо-германский исторический тип, дав толчок Ренессансу.

В более краткой и афористичной форме Леонтьев констатирует: «Ибо культура есть своеобразие; а своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от политической свободы. Индивидуализм губит индивидуальность людей, областей и наций». В личной сноске в «Византизме и славянстве» он с задором отмечает, что «китаец и турок поэтому, конечно, культурнее бельгийца и швейцарца!». Да, пусть не обижаются бельгийцы и швейцарцы, так как, безусловно, у них нет той суммы «отвлеченных идей», о которых говорит Леонтьев. В этом утверждении его мысли перекликаются с воззрениями Тютчева, писавшего

об индивидуализме западного обывателя как начале отрицания всего и вся: власти, Бога, культуры. Позднее (1880 г.) Леонтьев дополнил понятие культуры, которое стало звучать так: «Ибо культура не в *массе знаний*, а в живом *своеобразном освещении* этого умственного хаоса». Афористичность этого определения и глубина подхода заслуживает начертания его на скрижалях истории или хотя бы на зданиях дворцов культуры.

В «Византизме и славянстве» Леонтьев раскрывает уникальность «начал» культуры каждого народа, и в частности русской культуры. Первой работой на эту тему у Леонтьева была статья «Грамотность и народность». Взгляды Леонтьева, отметим сразу, на русскую культуру менялись с течением времени. После «Византизма и славянства» он всё больше говорит о влиянии западных заимствований на русскую культуру, а в статьях последних лет («Кто правее?») с трудом и тревогой улавливает национальную самобытность русской культуры, как «основу и руководящее начало».

Второй его вывод – о силе Российской империи. «Надо крепить себя, меньше думать *о благе* и больше *о силе*. Будет сила, будет и кой-какое благо, возможное».

Леонтьев первым из философов поставил вопрос **государственной силы** не только с политической точки зрения, но и с философской. Через собственные политические переживания, через собственный дипломатический опыт, через эстетику он пришел к такому своеобразно-мистическому определению государства. «Государство есть, с одной стороны, как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинаясь некоему таинственному, не зависящему от нас деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина, и сделанная людьми полусознательно, и содержащая людей, как части, как колеса, рычаги, винты, атомы, и наконец, машина, вырабатывающая, образующая людей. Человек в государстве есть в одно и то же время и механик, и колеса или винт, и продукт общественного организма».

Кто только сейчас не говорит о человеке как о винтике в государственном механизме, и особенно либералы, которым не нужно сильное государство, умеющее затянуть винты до требуемого рабочего состояния. Либералам нужно лишь «счастье», которое впервые на государственном уровне прописано в американской Декларации независимости, им нужен комфорт, пусть будет «всё смутно, всё спутано, всё бледно, всего понемногу», но, чтобы желудок был полон. «Система либерализма есть, в сущности, отсутствие всякой системы, она есть лишь отрицание всех крайностей, боязнь всего последовательного и всего выразительного. Эта-то неопределенность, эта растяжимость либеральных понятий и была главной причиной их успеха в нашем поверхностном и впечатлительном обществе», – так скажет позднее Леонтьев в передовой статье газеты «Варшавский дневник» («Чем и как либерализм наш вреден?»).

Да, определение государства, данное Леонтьевым, откровенно и, даже может быть, излишне натуралистично, но таков он, Леонтьев, «законодатель и судья ценностей», если брать ницшеанское определение философа как ученого.

В «Византизме и славянстве» идея государственной силы продолжена и развита. России сила нужна не только для защиты своей независимости и самобытности. Если на Западе падут все частные и национальные государства и будет организована одна общая федера-

тивная республика (прообраз Европейского союза – ещё одно предвидение Леонтьева), то сила нужна будет, чтобы спасти культуру Запада: «...спасти и в нем то, что достойно спасения, то именно, что сделало его величие, Церковь, какую бы то ни было, *Государство*, остатки поэзии, быть может... и *самую науку!*»

Вот он истинно русский, независтливый взгляд на мировую культуру, в том числе и на западную. Нет ни малейшего следа негатива и злорадства к будущему падению Европы, есть только ощущение себя культурной частицей мира, а не местечкового мещанина, которому наплевать на происходящие в мире потрясения и революции, у которого хата с краю, а в желудке счастливая сытость. Вот в чем состоит настоящая разница между общечеловеческими ценностями, правами человека и мнениями так называемого международного сообщества и гражданина культуры мира, в качестве которого всегда выступал Леонтьев. Вот в чем проявляется широта души русского человека, вот в чем состоит та самая русскость, которой отличались взгляды консервативного мыслителя Леонтьева, осуждающего варварские, бессмысленные действия английского «просвещенного» воинства, таскавшего по улицам Керчи рояль в годы Крымской войны, участником которой был Леонтьев. Он резко против серого, однообразного мещанского западного мирка, и одновременно он защищает культуру Запада от их же бескультурных жителей, хамство которых так ярко проявлялось у англичан. Вот от этого воинствующего хамства предостерегал реакционный Леонтьев любимую им Россию. Вот для чего нужна сила России: не для военного завоевания Европы, не для торжества панславизма, как пытаются (и не без успеха) уверять враги Россию, а сохранения культуры, которая может пасть с наступлением эвдемонического и эгалитарного прогресса, нацизма, напалзающего, словно навозная жижа, с Запада. Ведь падение и гниение Европы Леонтьев рассматривал прежде всего как культурное и национальное разрушение под действием мещанских и либеральных псевдоценностей.

И, чтобы сохранить культуру, нужна государственная сила: «...ибо только там много бытовой и всякой поэзии, где много государственной и общественной силы. Государственная сила – есть скрытый железный остов, на котором великий художник – история – лепит изящные и могучие формы культурной человеческой жизни».

Для России, по мнению Константина Леонтьева, самым желательным было бы такое устройство: «Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда и до свирепости; церковь должна быть независимее нынешней, иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; законы, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрее — одно уравновесить другое; наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе».

Третий вывод касался этапов развития государств и их падений. «Всё вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом ещё более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую “Нирвану”». Наши примеры «реакции жизни» (фотосинтеза) ясно показали этот путь.

«Тому же закону подчинены и государственные организмы и целые культуры мира. И у них очень ясны эти три периода: 1) первичной простоты, 2) цветущей сложности и 3) вторичного смесительного

упрощения», – так констатирует Леонтьев, определяя три стадии: зарождения, роста и гибели государств.

То же самое, но спустя 50 лет, будет утверждать англичанин А. Тойнби в своем «Исследовании истории», которое он создавал на протяжении практически всей своей жизни. Но ни одно, даже русскоязычное справочно-энциклопедическое издание, не сообщает о влиянии на Тойнби русского мыслителя К.Н. Леонтьева. Все они отдают эту честь О. Шпенглеру, также перенявшему у Леонтьева и Данилевского все их историософские воззрения. Забвение идей русских первопроходцев почти в любых областях человеческих знаний – родовое пятно русской истории, и этот факт тоже результат бездумного поклонения Западу.

Четвертый вывод исходит из предыдущих рассуждений: коль скоро мы заговорили о стадиях жизни государств, то в самую пору определить возможные сроки их жизни.

Леонтьев скрупулезно высчитывает, сколько жили царства македонское, египетское, иудейское, мидо-персидское, римское, византийское. Исключив Китай и Древний Египет как отдельно стоящие культурные и исторические миры, Леонтьев приходит к выводу: «ни одно государство больше 12 веков жить не может». Обращаясь к истории современных европейских государств, Леонтьев спрашивает, беря за точку отсчета 1000-летие: «Что же сделали над собой европейские государства, переступая за роковое 1000-летие?» И отвечает: «С конца XVIII века и в начале нашего на материк Европы вторглись ложно понятые тогда англосаксонские конституционные идеи». Они и помогают европейским государствам жить более 1200 лет? Но вот в каком состоянии!

Наконец, **пятый**, самый решительный и смелый вывод. По утверждению Леонтьева, с принятием конституции и введением демократических порядков в государстве начинается процессы вторичного смешения и упрощения, которые суть признаки, а не причины государственного разложения. «Причину же основную надо, вероятнее всего искать в психологии человеческой. Человек ненасытен, если ему дать свободу». И, благодаря разлитию рационализма в общественных массах, распространению претензий на свободу, равенство, братство и счастье, у человека происходит возбуждение разрушительных страстей: зависти, корысти, жажды жены ближнего своего, гордыни, отрицание Бога, неуважение к старшим и к родителям, мужеложства, скотоложства. Положение русского безграмотного, но богомольного и послушного крестьянина обеспечивает более полную близость к реальной житейской правде, чем рациональных либералов, «глупо верующих», что «все люди будут когда-то счастливы, когда-то высоки, когда-то одинаково умны и разумны».

Леонтьев предсказывает, что за мирным смешением сословий, прав, свобод следует затем расстройство дисциплины и необузданность желаний, что однообразие прав и сходство воспитания антагонизмов не уничтожит, так как потребности и претензии станут похожими. И потому страданий человеческих меньше не станет, они станут другого рода (тщеславного, так сказать), которые чувствуются глубже и больнее.

Под конец любой государственности с усилением равенства политического усилится неравенство экономическое, а оно верная причина **войн и других социальных потрясений**, и это – **шестой** его вывод. И для истории, и для человечества это самый главный итог. Вот только человечество никак не хочет в этом признаваться. Ладно бы один человек ошибся, а тут всё «прогрессивное человечество» идет по собственной воле на гибель, упорно называя этот путь единственно правильным.

Свой вклад в развитие исторической теории Леонтьев оценит позднее в письме своему другу Александрову следующим образом: «Про Данилевского можно сказать, что он сделал великий шаг указанием на эти культурные типы. Можно ведь и так его теорию обернуть: существование разных культурных типов есть признак жизненности человечества; невозможность создать новый; смещение всех в один средний – есть признак приближения человечества к смерти.

Данилевскому принадлежит честь открытия культурных типов. Мне – гипотеза вторичного и предсмертного смещения».

Пусть-ка её опровергнут! Что-то не суются... И опровергнуть было бы тоже для науки полезно».

Ниспровергателей действительно до сих пор нет, есть только последователи, такие, как Шпенглер и Тойнби, но и их мало кто слушает.

5

Не пора ли гипотезу Константина Леонтьева о «триедином процессе развития» считать теорией, получившей достаточно доказательств в последнее время? Вот, к примеру, мнение нобелевского лауреата, бельгийского биохимика Кристиана де Дюва: «Именно мы, люди, виноваты в том, что происходит. В погоне за улучшением условий жизни мы создали такую ситуацию, когда наше будущее находится под угрозой».

Да, почти по всем вопросам, мучающим нас в XXI веке, можно найти ответы в публицистических статьях К. Леонтьева. Уже в январе 1991 года в Калуге состоялась научно-философская и литературно-публицистическая конференция, приуроченная к 160-летию со дня рождения Константина Леонтьева. Тон глубокому обсуждению наследия Леонтьева задала группа студентов философского факультета Московского университета. Леонтьев оказался нужен и интересен молодому российскому гражданину и личной судьбой, и сбывающимися пророчествами, и оригинальными приемами философствования.

Он стал интересен тем российским читателям, что стремятся понять изломанную судьбу России, оценить и представить её будущее, судьбу русской культуры и противоречия либерально-демократических свобод. Он интересен тем, кто связывает себя с цельной и неделимой историей России и её знаменитыми, яркими личностями: Александром Невским, Сергием Радонежским, протопопом Аввакумом, Михаилом Ломоносовым, Александром Пушкиным, Сергеем Есениным, Валентином Распутиным и многими другими.

Толкнулась русская душа к Леонтьеву, почуяла правду в его мыслях и словах. С начала 90-х годов XX столетия годы вышли и выходят до сих пор десятки книг Константина Леонтьева многотысячными тиражами: «Записки отшельника» (1992 г.), «Избранные письма» (1993 г.), «Восток, Россия и славянство» (1996 и 2007 гг.), Полное собрание сочинений и писем» в 12 томах (2000–2020 гг.), «Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. 1865–1872» (2003 г.), «К.Н. Леонтьев: Pro et contra» (1995 г.) в 2-х томах и многие другие.

150 лет назад Леонтьев первым поплыл против течения общественной мысли, утверждавшей, что свобода, равенство и братство принесут человеку счастье. И где оно? – спросим мы подобно Леонтьеву. Ответ оставим каждому, кто прочтет его статьи и художественные произведения.